

Уилсон, Дэвид Слоан Собор Дарвина. Как религия собирает людей вместе, помогает выжить и при чем здесь наука и животные / Дэвида Слоан Уилсон; [перевод с английского А. Ядыкина]. – Москва: Эксмо, 2021. – 400 с. – (жизнь со смыслом).

Работа Дэвида Слоана Уилсона «Собор Дарвина. Как религия собирает людей вместе, помогает выжить и при чем здесь наука и животные» – новая попытка примирения науки и религии, если для кого-то они ещё конфликтуют. Автор – американский ученый, сферой научных интересов которого является эволюционная биология. Он также известен разработанной концепцией группового отбора в эволюции. Работал в ведущих университетах мира, в частности, Гарварде, Бингемтонском университете, Калифорнийском университете в Дейвисе.

Книга состоит из введения, семи глав, примечаний, библиографического указателя, благодарностей и указателя имён.

Основная идея автора лежит в плоскости рассмотрения проблем религиозных сообществ. По его мнению, их можно рассматривать как живые организмы. Религия становится функцией человеческих сообществ. Чего ещё стоило ожидать от эволюциониста – рассмотреть человеческие сообщества, в частности, религиозные, применив к ним такие критерии эволюции, как устойчивость, адаптация и другие требования. Более того, религиозные группы рассматриваются как живые организмы, со всеми их свойствами, системой отбора и адаптивной функцией. Религиозные группы Д.С. Уилсон рассматривает по аналогии с тем, как это делают с представителями животного мира.

Книгу можно считать попыткой реабилитации такого направления в обществоведческих науках как функционализм. Религия предстает перед нами как эволюционное развитие человеческого сообщества. Основываясь на теории многоуровневого эволюционного отбора и теории рационального выбора религии, по Р. Старку, с некоторыми корректировками последней, автор обновляет рассмотрение религии. Религия, в представлении Уилсона, это форма, в которую облекается эволюционное содержание человека на разных стадиях культурного развития. Проанализировав массив религиозных групп, он приходит к выводу об утилитаризме религиозных представлений. И представления, которые существуют в сообществе, являются наиболее подходящими с точки зрения эволюции.

Начинается книга с постановки проблемы: можно ли применить понятие «организм» к религиозным группам? Первую главу Д.С. Уилсон начинает с того, что вводит в дискурс эволюционной биологии и показывает динамику отношения к вопросам религии. Автор создает теоретический каркас по заявленной теме. Говоря о процессе адаптации, отмечает, что не стоит распространять идею, будто общества способны на адаптацию и развитие также как индивид, – это не всегда так. Подобное возможно в случае, если группы действуют наилучшим образом, когда их члены приносят друг другу благо, но такой тип организации нелегко соотносить с приспособленностью. Биолог-эволюционист замечает, вслед за Дарвином, что группа как адаптивная единица при определенных обстоятельствах может стать приспособленной, а может и не стать, это условие всегда открыто. К тому же, если

группы всё-таки развиваются до адаптивной единицы, то им свойственно вести себя агрессивно по отношению к представителям других групп. Иными словами, сначала происходит отбор на уровне индивидов, а потом на уровне групп.

Отбор может произойти не всегда в сторону адаптации. Наличие межгрупповых отношений влечёт за собой актуализацию теории врождённых психологических структур, в результате эволюции они усложняются до этических систем. И Дэвид Слоан Уилсон замечает, что представители религии ведут себя нравственно только с представителями своей религии, тогда как к другим могут испытывать агрессивное воздействие. Но, как бы сам себя предвосхищая, автор говорит, что религиозную группу можно представить как адаптивную единицу. Насколько это очевидно и неизбежно? Биолог-эволюционист говорит: ни в коем случае. Он предлагает альтернативную гипотезу: некоторые проявления религии – это порождение внутригруппового отбора, приносящего выгоду одним за счет других. Опираясь на эмпирические данные антропологов, рассматривая охотников-собирателей, он делает вывод об эгалитарном устройстве внутри племенных групп. Моральные представления, близкие к религиозным, как основа устройства внутри племени, позволяет членам племени контролировать друг друга. На этом основании автор вслед за эволюционными биологами и психологами утверждает о том, что всякий индивид из группы, которая, основывается на моральной системе, обладает врожденными психологическими механизмами и, более того, эти системы могут эволюционировать в ходе культурного развития.

По мнению автора, культурная эволюция требует:

- во-первых, «проб и ошибок» в своих механизмах;
- во-вторых, содержит огромное количество скрытых механизмов;
- в-третьих, механизмы могут затрагивать не каждого человека, а сразу многих;
- в-четвертых, культурная эволюция – не «служанка» генетической.

Но этот процесс усложняется, и, как говорит исследователь, «уже не представляется столь непоколебимым». Аргументируя свою позицию, он предлагает представить индивида как нейрон, тогда группа наделяется «статусом» мозга. Представления о групповом разуме и группах-организмах подтвердились наблюдениями за пчёлами и другими общественными насекомыми. Перенеся те же процессы, что переживали общественные насекомые на человеческий вид, Дэвид Слоан Уилсон говорит о когнитивном сотрудничестве на уровне группы. Мутации культурной и генетической эволюции это подтверждают. На этом весь экскурс в биологическую теорию завершается.

Для некоторых гуманитариев эта часть книги может быть сложна в восприятии, тем не менее, далее, по прочтении последующих глав, она станет понятной.

Вторая глава посвящена проблемам общественных наук, в которых рассматривается религия. Качественно выделяется теория Родни Старка и Уильяма

Бейнбриджа – это теория рационального выбора. Теория гласит об обмене между людьми и тем, что называется сверхъестественными силами. Обмен «ты мне, я тебе» стоит понимать, как экономическую категорию. При этом замечается, что большинство сторонников теории рационального выбора критикуют функционализм. По мнению автора, это не совсем так. Д. Дэвид Слоан Уилсон критикует теорию рационального выбора за то, что она, как он сам пишет:

«...упускает из внимания фундаментальную проблему общественной жизни и роль религии в ее решении». Биолог-эволюционист восполняет этот недочет с помощью функционализма Э. Дюркгейма – классика мировой гуманитарной науки. Функционализм проявляется в том, что религия заставляет общество дифференцироваться с помощью символов и организовываться ради общего блага. В свою очередь, Э. Эванс-Причард критиковал Э. Дюркгейма за обширное понимание религии и указывал, что такую интерпретацию надо сузить.

Также в главе говорится об открытых и скрытых функциях религии. Например, Янаконе говорит об отсеивании людей, которые решили воспользоваться для своих меркантильных целей, ради мирской пользы, но были отсеяны с помощью самой же религии, требующей вложений. Его называют новым Дюркгеймом, потому что он вскрывает эту неявную функцию религии. И на эту почву удачно ложится экономическая теория религии как корпорации.

Автор заключает вторую главу выводом, что, как в свое время эволюционная биология отвергла адаптацию и естественный отбор на уровне группы в угоду индивиду, а через время к нему вернулась, так и общественные науки должны поступить также в отношении функционализма, т.е. рассматривать адаптивные процессы как на уровне индивида, так и на уровне группы.

Третья глава показывает, как именно может быть приложена выработываемая теория непосредственно к религии на примере кальвинизма. Задача этой главы – эволюционно «раскрыть суть одного религиозного сообщества в его отношении к окружающей обстановке». Почему рассмотрен именно кальвинизм: у него есть некоторый период развития, но не слишком древний, чтобы искать его генезис, и он уже имеет достаточный жизненный цикл.

Дэвид Слоан Уилсон начинает рассматривать Женеву как рабочую модель кальвинистской адаптации городского населения. Поставив перед собой цель повысить уровень благосостояния жителей Женевы, Кальвин дал им катехизис для изучения. Биолог-эволюционист предлагает посмотреть на содержимое этого текста как геномы, определяющие действия людей. Согласно автору книги, Кальвин не стремился становиться политическим игроком, тем не менее, косвенное влияние на политический уклад жизни женецев он имел. Казня и поощряя во имя Бога, он осуществлял земной политический акт под знаменем святости.

Кальвинистская церковь, рожденная в пылу Реформации, – создания новых условий, была ориентирована на лучшее, на всех уровнях отбора, что устремляло последователей вверх по адаптивной лестнице, что повышало функциональность. Кальвинизм стал взаимосамкнутой сетью, в которой все решали одну задачу: повышение уровня общего блага посредством коллективных действий.

Вспомним эгалитаризм у охотников-собираателей, о которых писал Э. Эванс-Причард: им доступен надзор и централизованная система наказания за неповиновение общей морали. В данном случае функцию надзирающих выполняют пастыри в своих общинах. Дэвид Слоан Уилсон критикует теорию религии Старка получения выгод от сверхъестественного, обращаясь к идее предопределения. Автор заключает эту главу мыслью о том, что иррациональные черты, с точки зрения эволюции, оказались весьма функциональными и адаптивными. Направленность на потусторонность смогла организовать кальвинистов и даже произвела эксперимент «до и после», который превратил Женеву из трущобного местечка в процветающий город. Она стала иметь вес в международных отношениях и обладать высоким экономическим статусом. На мой взгляд, современный статус Швейцарии обусловлен как раз кальвинистской адаптивностью и отстраненностью, направленностью на «общую» цель.

Целью четвертой главы монографии стало выяснение мирской пользы религии на примерах, таких как верования на Бали, иудаизм и раннехристианская церковь.

Система верований на Бали сконцентрирована в храмах воды. Автор рассматривает религию в двух измерениях – метафизической и практической. Для балийцев храмы важны как места принятия решения, и автор на это указывает, приводя отрывки из исследования Лэнсинга, описавшего их оросительную систему. Из текстов Лэнсинга ясно, что жизнь местного населения выстроена вокруг этих храмов: время посева, сбора урожая и т. д., все решения принимаются в храме. Адаптивность религиозной системы балийцев настолько эволюционно совершенна, что, когда голландцы решили изменить эту ирригационную систему, то потерпели фиаско. Они получили неурожай, поскольку действия их не были согласованы, как это было у крестьян-адептов связанных храмов воды. Если эта сторона практическая, то метафорическим измерением будет сакрализация воды. Её богиня была мерилем этой святости и праведности. Это закреплено в манускрипте, хранящемся в одном из храмов. Характерно, что без метафорического измерения не было бы практического.

В иудаизме адаптивный стержень группы автор увидел в Декалоге и Золотом правиле, которые сформировали иудейскую идентичность. Танах, с точки зрения эволюционного подхода, содержит большое количество предписаний, главное из которых соответствует устойчивому развитию и адаптации – «плодитесь и размножайтесь». По мнению Уилсона, в данном случае биологическая и культурная эволюция сошлись в одном императиве. Идентичность евреев позволила им выжить в разных условиях, даже когда они подвергались гонениям. Внутригрупповой отбор иудейского народа позволил им выжить даже в условиях Холокоста. Он же был и тем отстраняющим фактором, который настраивал против евреев другие народы. Как и в случае с системой храмов воды на Бали, рассмотрим метафизический и практический уровни. Первый заключался в идее богоизбранности еврейского народа, Завете с Богом. А вот практическую автор активно освещает через закрытость еврейского сообщества и его успешность в тех сферах, где приходилось действовать сообща.

Третий пример мирской выгоды религии рассматривается на примере раннехристианской церкви. В этой части автор в очередной раз ссылается на Р. Старка, соглашаясь с его гипотезой о раннехристианской церкви, как адаптированном к выживанию в Римской империи организме.

Рассмотрев на примере Антиохии сложность межэтнических взаимоотношений (многообразие и агрессия в адрес друг друга), Уилсон приходит к выводу, что христиане могли взаимодействовать с друг другом на основе общего статуса. Ученый называет его «мембраной» по аналогии с живой клеткой. Эта «мембрана» давала последователям Христа адаптивное преимущество над другими: иудаизм непроницаем, римская религия непопулярна. Евангельская идея «нет ни эллина, ни иудея» компенсировала неполноценность античного мира.

Другим адаптивным преимуществом служила модель функционирования раннехристианской общины. Евангельская этика (помощь, альтруизм, сострадание, жертвенность, равенство и т. д.) предписывала определенное поведение. Брак, в христианском понимании, в том числе и с язычниками, – заключался и перед Богом, и перед общиной. Новый статус приобретала в обществе женщина, автор рассказывает об институте диаконисс. Таким образом, Дэвид Слоан Уилсон сделал вывод об адаптивной функции раннехристианской церкви.

Автор верифицирует теорию мирской выгоды религии и на других примерах. Не многие исследования могут похвастаться такой обширностью. В частности, Уилсон задействовал такие авторитетные источники, как Энциклопедию религии в 16 томах М. Элиаде. Подводя итог, автор говорит: «...религии существуют для того, чтоб люди могли совместно добиться цели, которой они не смогут добиться поодиночке». Религиозные группы выступают адаптивными единицами, но их верования подчас делает их непонятными для тех, кто находится вовне.

В пятой главе исследователь исследует адаптивную функцию религии в современном религиоведении и обществоведении. Классическое религиоведение в лице Э. Дюркгейма, Э. Эванс-Причарда и др. подтверждает её, хотя и с оговорками. Современные исследования ставят вопрос адекватности этой функции. Речь идет о различиях таких религиозных групп, как церковь, секта и культ. Последователи секты, по словам Уилсона, аскетичны и бедны, а последователи церкви богаты и имеют хорошие социальные связи. Автор обращает внимание на цикличность образа жизни религиозных групп; он приводит пример, когда церковь развилась из секты или культа, а потом эта же церковь порождает новые организмы – секту или культ, и так до бесконечности. Эта теория очень схожа с классической теорией Вебера таких формах организации религиозных сообществ, как харизматический культ, секта, деноминация и церковь.

Итак, Дэвид Слоан Уилсон формулирует гипотезы для описания обобщенной модели цикла роста и упадка религий.

Гипотеза 1: Выгода группы. Главная цель религии – дать своим адептам коллективные блага, сводимые, в конечном счете, к выживанию и воспроизводству. Религия призвана утолять базовые потребности. Сильная секта станет слабой церковью;

Гипотеза 2: Выгода индивида. Неравное распределение материальных ценностей внутри церкви. Это грозит своеволием, потому автор делает вывод, что слабая в дисциплинарном отношении церковь способна породить «строгую» секту.

Гипотеза 3: Религия как побочный продукт. Религия – не результат адаптации на групповом уровне, а ее побочный продукт. Цель религии – обеспечить доступ к неизвестному и тайному, даже если для этого надо выдумать сверхъестественные силы.

Критикуя теорию рационального выбора Р. Старка, где религия – это побочный продукт, Дэвид Слоан Уилсон упрекает ее авторов в непоследовательности и бесцельном «шатании» от концепции к концепции: от того, что религия – это «оковы, дающие счастье», до религия – это необходимое средство для выживания и воспроизводства. Отметим, что теория многоуровневого отбора помогла дифференцировать эти гипотезы. Уилсон завершает главу тем, что идея о функционировании религиозных групп как адаптивных единиц будет либо опровергнута, либо доказана.

В шестой главе автор рассматривает прощение как «сложную адаптацию». Задаваясь вопросом о природе христианского прощения, Уилсон делает попытку рассмотреть его с точки зрения эволюции. В качестве примера рассматривается раннехристианский период. Ученый говорит, что свойство прощать – фундаментальная биологическая адаптация животного мира, пусть и в зачаточном виде. По мере того, как человеческое сообщество разрастается, оно нуждается в культуре, которая регулировала бы проявления врожденных психологических идей. Христианство, с его идеей прощения, идеально отвечает на императив «око за око», причем в более возвышенной и сложной форме. Идея прощения как способа регулирования проступков в общине нередко требовала довольно решительных действий. Наказание как санкция существовала в общине христиан. В частности, изгнание из общины – крайняя мера, ибо нет проступка, который нельзя простить. Но ему предшествовали систематические нарушения по нарастанию тяжести провинности. По сути, это – реализация евангельского сюжета, в реальной жизни. Религия в своем «земном» образе призвана приблизиться к идеалу. Но само это приближение в разных географических местах различно. Евангельские тексты ориентированы на разную аудиторию, им необходимо адаптироваться к тем условиям существования общин. Уилсон предлагает довольно любопытную интерпретацию евангельских текстов, которые не вошли в канон. Он отмечает их недостатки, которые мешали бы созданию христианского общежития, ориентированного на идеал. Завершая главу, Дэвид Слоан Уилсон говорит, что Евангелие имеет функциональную и локально адаптивную природу. При этом можно смотреть на христианство как на чудо, которое ещё раскроет неизвестные доселе грани. Позиция смотрящего определяет всё.

Наконец, в завершающей, седьмой главе, автор рассмотрит общество в глобальном смысле. Он начинает с общей теории объединяющих систем. Исследователь отмечает, что не только религии свойственно объединение людей в адаптивные группы, аналогично действуют предпринимательские и политические организации. Уилсон пытается разработать эту теорию дальше. Критикуя

определения религии Э. Дюркгейма за широту, а Старка и Бейнбриджа за узость, автор останавливается на определении первого, так как оно учитывает функциональную ориентированность. Проанализировав теории объединяющих систем, Уилсон предложил поместить религию в синтез современных форм социальной организации, а не запечатывать ее лишь в кокон определения.

Далее в его поле зрения попадают символы и категория священного. Мысль проста: священные символы задают определенный тип поведения. И эта мысль не нова. Ее можно встретить у большинства полевых антропологов. Следующим пунктом исследования в данной главе идет разделение реализма на фактический – это мир основан на прямом соотношении фактов и представлений, и практический, основанный на поведенческой адаптивности. Исследователь подчеркивает, что «религиозные верования – это не форма слабоумия, а, скорее, форма нормального функционирования человеческого мозга, удачно приспособленного к своей среде и биологически и культурно» [см. с.350].

Идеальный путь развития, по мнению Уилсона, – достижение компромисса между этими двумя формами реализма. Не сумев найти в религии нечто уникальное, Уилсон делает акцент на уникальности науки. Наука ориентирована на фактические знания, а во всем остальном она схожа с другими формами общественного сознания. Практический реализм должен корениться в фактическом, тогда он сумеет надолго сохранить свой характер. Поэтому в крупных неоднородных обществах имеет смысл существование, если говорить с точки зрения функционализма, структура, для которой обретение фактического знания будет наивысшей ценностью.

Говоря о науке как совокупности идей фактического реализма, ученый указывает, что их необходимо дополнять другими ценностями, с ярким акцентом на практическом реализме, которые – хотелось бы надеяться – применимы ко всем членам общества как к этически равным субъектам.

Уилсон продолжает свою теорию, говоря о красоте и пользе. Он отмечает, что нас эмоционально влекут те стороны физического и социального окружения, которые, вероятно, смогут повысить нашу приспособленность, и в этом он видит красоту. В условиях окружающей нас действительности можно предсказать, что социальные группы будут восприниматься «хорошими», если они предложат условия для выживания всех людей, даже не входящих в их структуры.

Таким образом, религия как одна из социальных организаций – это отражение идеи лучшей жизни на земле. Это её прямая функция. Завершив исследование собственной притчей о постоянно передельываемом самолёте, ученый говорит, что наши верования отражают именно нашу реальность и трансформируют её в соответствии с нашими представлениями.

Новизна данной книги для российского читателя может быть сведена к нескольким пунктам:

- теории религии – теория рационального выбора, теория священного и мирского в функционализме и пр. имеют лакуны, за что и критикуются. Но при всей критике они имеют богатый эвристический потенциал;

- религиозные группы адаптируются к внешним требованиям, и сохраняются наиболее востребованные – те, которые отвечают эволюционным запросам.

По мнению автора рецензии, последняя глава труда была посвящена попытке оправдать религию через категории «практического реализма», «фактического реализма», «пользы». В ходе исследования религии Уилсон попытался пересмотреть все объединяющие системы и обнаружил изъян науки, которая ориентирована на фактический реализм, который мало соответствует потребностям большинству общества – он ему просто незачем. Опыт показывает, что люди живут в пространстве практического реализма, и им в нём безопасно. Это еще раз подтверждает, что наукой интересуется меньшинство, а религия предназначена для большинства. Автор рецензии полагает, что если эту мысль уловит ещё кто-нибудь из читателей, то это можно будет считать новизной книги Уилсона.

Таким образом, работа представляет собой законченное исследование, хотя и с отрицательным, по нашему мнению, результатом. Рецензируемая книга будет полезна и, несомненно, оправдана для религиоведов, культурологов и антропологов. Можно сказать, что она немного тенденциозна в своем стремлении сочетать эволюцию и религию. Эта тенденция, рожденная в западной культуре, порой рождает достойные для обсуждения и дальнейшего развития теории.

*Ефанов В.Ю.
(Института «Таврическая академия»
КФУ им. В.И. Вернадского)*